

Спецназ Вс-вышнего

Адин Штейнзальц отвечает на вопросы корреспондента журнала «Россия»

- Уважамый раввин Штейнзальц, существует теория, что народ формируется той страной, в которой живет. Именно страна определяет его склад, облик, национальную особость. Евреи - народ пустыни... Или то, что они сейчас живут на берегу моря, изменило их?

- Пустыня - особенное, благоприятное место. У проков есть такая идея, что обновление и очищение жизни возможно только в пустыне. Пустыня и море в определенном смысле похожи: люди их пересекают, но в них не живут. Караван в пустыне и экипаж корабля вполне аналогичны замкнутому горному поселению. Однако пастухи уходили в горы и в пустыню в одиночку, они проводили там очень много времени. Одиночество создавало особый тип человека, особое восприятие жизни. Когда человек один в пустыне, у него масса времени на размышления. В пустыне же ничего не происходит. И вот что еще важно практически нет сумерек. День - это день, а ночь - это ночь. Безо всяких переходов. В пустыне это чувствуется особенно резко и отчетливо. В пустыне - большой свет, в котором вещи видятся ясно. В этом наше отличие от России. В России сумерки не только природное явление, но и явление культуры, важная составляющая русского менталитета. Нуансы и неуловимые переходы, добро причудливо переплетается со злом, порой все зыбко и неопределенно.

- А река как-то присутствует в еврейской культуре?

- Ну, сами посудите, какие уж там "реки". Только в такой лишенной воды стране, как наша, Иордан может быть назван рекой. А по существу ведь не река - речка. В России таких, должно быть десятки тысяч, и эти речки никому не известны, кроме местных жителей. Впрочем, у одного писателя начала века есть забавная история, связанная с Иорданом. В его рассказе украинский еврей приезжает в Страну Израиля и видит Иордан, и вот он потрясен, какой Иордан ничтожный

Да уж не Днепр.

- То есть совсем не Днепр. И этому человеку становится ужасно смешно, насколько его мечты далеки от действительности. Он смеется, лезет купаться и тонет в водовороте.

- В чем суть иудаизма - для народа избранного и для народов неизбранных?

- Я скажу, хотя и не уверен, что вы захотите это публиковать. Я воспользуюсь метафорой из военной терминологии. Есть такие метафорические понятия: земное воинство, небесное воинство и т. д. В принципе, все наполняющее мир человечество является войском Вс-вышнего. И как в каждой армии, в этом Воинстве есть спецподразделение, что называется, командос. В таких подразделениях служат только добровольцы, потому что никого нельзя обязать прийти на такой участок. Вот, по просту говоря, мы иудей и есть спецподразделение Вс-вышнего. Естественно, мы лучше других вооружены и в нашей службе больше опасностей, чем у других. Но зарплату мы получаем ненамного выше, чем другие.

- Что другие, не будучи спецподразделением, могут взять у иудеев?

- Я продолжу метафору из израильской армии. Опыт элитного спецподразделения, приобретенный в особом отряде и ставший нормой там, впоследствии был освоен всей армией. Иудаизм содержит очень четкие указания, обращенные только к евреям: что им делать и как. Но в иудаизме есть также колоссальный пласт указаний о том, каким должен стать человек, чтобы сделаться немножко больше себя. Это заповеди, которые были даны первому человеку. Это то, чем мы, несомненно, можем поделиться со всем миром. Более того, наша религиозная обязанность - передать неевреям тот набор ценностей, который мы считаем общечеловеческим. В Книге Маймонида сказано, что обязанность научить всех людей общечеловеческим принципам и нормам входит в функции царя Машиаха. Это вовсе не значит, что всех надо делать иудеями. Но Рамбам хочет, чтобы все были хорошими людьми. Мы не хотим переложить свою функцию на плечи других народов, но мы помним, что помимо своего религиозно-национального долга мы имеем особую ответственность в этом мире.

Всем народам есть что сказать человечеству, в том числе и русскому. Часть моего служения - попытаться передать опыт. Книги, которые я пишу, имеют смысл только не тайный, это не то, что мы держим только "для своих". Как, например, русский человек читает Танах? В конце концов, Танах, то есть Священное Писание, говорит только о евреях. И Евангелия - между евреями; действуют хорошие евреи и плохие евреи... И вот Иван Иванович Сергеев, родившийся в Тамбове и не имеющий ничего еврейского в своем происхождении, читает Священное Писание. Он подсознательно опускает все то, что обращено непосредственно к евреям, и переводит на себя все то, что там является общечеловеческим достоянием. Девятьсот лет русский народ, так или иначе, читает Танах. Он читает книги, которые были предназначены для нас, евреев. Это внутренняя еврейская литература. Но эти книги написаны таким образом, что каждый, вне зависимости от своего происхождения, может найти там то, что будет важно для него. Я не хочу проводить параллели, но я пытаюсь следовать той же модели: я пишу для вас, русских, книги, которые обращены к евреям, но любой человек, вне зависимости от происхождения, сможет там найти то, что будет важно для него.

- Согласитесь ли Вы с тем, что и евреи, читая тексты других народов, найдут там что-нибудь для себя?

- Человек, получая любую информацию, обогащает себя как личность, но вопрос заключается в том, чтобы брать то, что тебе надо, и не брать того, что тебе не надо.

- Раввин Штейнзальц, позвольте в завершение задать Вам один очень русский вопрос. Как известно, понятие "интеллигенция" в России всегда вызывало жаркие споры. Как Вы, представитель древней интеллектуальной корпорации, могли бы определить роль интеллигенции в современном мире?

- Прибегну к метафоре. Интеллигент в первую очередь отличается умение различать полутона, в то время как обыватель, независимо от его морального облика или интеллектуального уровня, живет в двухцветном, черно-белом мире. Характерный для интеллигента взгляд на вещи не столько лучше, сколько правильной, он позволяет найти верное решение не допускающих однозначного подхода проблем бытия. Разумеется, этот взгляд не гарантирует от ошибок и заблуждений, но, поскольку интеллигенция является главной движущей силой общества, исторически сложилось так, что именно она стояла у истоков большинства течений и идейных систем, формирующих процесс поступательного развития человечества.

К сожалению, сегодня людей этого типа постепенно вытесняет другой: речь идет о так называемом "гнилом" интеллигенте. Он выявляется легко: это человек, не способный видеть в окружающем нас мире ничего, кроме... полутонов. "Гнилой" интеллигент, улавливающий лишь градационную и количественную разницу между вещами и явлениями, похож на корабль, у штурмана которого разбился компас: утратив ориентир, его судно сбилось с курса и стало игрушкой стихий. Бесплодная и дезориентированная, "гнилая" интеллигенция, тем не менее, представляет реальную опасность для общества: утратив нравственные критерии, она всегда готова подчиниться силе и, обладая мощной интеллектуальной базой, оправдать ее.

Какой недуг поразил интеллигенцию? Ответ прост: отказ от постоянных, устоявшихся ценностей. В этом случае единственное эффективное лекарство - определение созидательной цели, что позволило бы сконцентрировать все силы души в конкретном направлении, придать смысл бытию. В душе каждого человека, даже если он изрядно поизносил ее в ходе бесцельных поисков, сокрыт источник, прильнув к которому в пору духовной жажды можно обрести подлинно религиозные, первичные ценности. Я имею в виду те из них, отношение к которым даже у современного интеллигента формулируется примерно так: "Я завидую вашей вере". Человек, который говорит, не лукавя при этом, что завидует тем, у кого есть вера, уже, по сути, является верующим, поскольку, сам того не понимая, прошел большую часть тернистого пути к истине. Последнее препятствие, с которым ему осталось справиться, - страх перед косными обычаями и религиозной обрядностью, которая в силу его невежества представляется ему бессмысленной символической. Однако, сделав этот шаг и признав, что он религиозен, интеллигент должен, напрягая все свои интеллектуальные возможности, выстроить свое мировоззрение как гармоничную и разумную систему. И тогда перед ним возникнут новые горизонты - он получит доступ на тот уровень духовного бытия, который открылся только ему одному. Потенциал, обретенный в период смятения и поиска, будет использован до конца...

Программа заочного еврейского образования "Лимудим" по эксклюзивной методике Института изучения иудаизма под руководством раввина А. Штейнзальца

Курсы академического уровня, учеба в индивидуальном темпе:

- "Тора - имена и судьбы"
- "Пророки о падении и возрождении Иерусалима"
- "Агада в Вавилонском Талмуде"
- "От Иешошуа до Шломо"

Всем принятым на учебу высылаются учебные пособия, разработанные институтом, а также предоставляется всем желающим широкий выбор учебных материалов на нашем сайте: www.judaicaru.org
Институт изучения иудаизма в СНГ Москва 109240 а/я 44
Телефон: (095) 9153165, факс: (095) 9153161 e-mail: lamed@judaicaru.org

Светлой памяти моего отца Гирша Цвибеля

ЕВРЕЙСКАЯ ДОМИНАНТА ДМИТРИЯ ШОСТАКОВИЧА

Трио

В письме Исааку Гликману от 3.01.1944 года Шостакович сообщает: "...Пишу Трио для рояля, скрипки и виолончели; заканчиваю оперу "Скрипка Ротшильда" моего бывшего ученика по Ленингр. консерватории Флейшмана..."

Второе фортепианное Трио - камерная параллель Восьмой симфонии, принадлежащее к одному из самых трагических творений Шостаковича, продолжившего традицию своих великих предшественников: Чайковский написал Трио "Памяти великого артиста", посвященное Николаю Рубинштейну, Рахманинов - "Элегическое трио" памяти Петра Ильича Чайковского, Шостакович написал Трио в память своего близкого друга Ивана Ивановича Соллертинского.

(В 1946 году Шостаковичу присуждается Сталинская премия II степени за Трио - еще один парадокс тоталитарной системы: антисемитская кампания, начавшаяся во время войны, не помешала присвоить премию произведению, где еврейское начало бросается в глаза. Впрочем, скорее всего, не парадокс, а очередная игра).

Многие годы Соллертинский был лектором Ленинградской филармонии, а затем ее художественным руководителем. Его аннотации к концертам были настолько содержательными и увлекательными, что даже ходила шутка, что они интереснее самой исполняемой музыки. Многие аннотации до сих пор печатаются в программах концертов филармонии.

Шостакович познакомился с Соллертинским, будучи студентом консерватории. Однажды, придя домой, он сказал: "Мама, я нашел друга. Удивительно. Он придет завтра". Соллертинский заметно повлиял на музыкальные пристрастия Шостаковича, он привил ему интерес к музыке Брамса, Брукнера, Малера. Познакомил его с творчеством классиков "легкой" музыки И. Штрауса и Оффенбаха. Соллертинский сразу "принял" Шостаковича-композитора, морально поддерживал его, что не мешало ему критически отзываться о балете "Светлый ручей", который не отвечал его высоким требованиям к произведению искусства.

"Разнообразие и масштабы его дарования казались непостижимыми. Талантливый музыковед, театровед, литературовед, историк и теоретик балетного искусства, лингвист, свободно владеющий двумя десятками языков, человек широко эрудированный в сфере искусств изобразительных, в области общественных наук, истории, философии, эстетики, великолепный оратор и публицист, блистательный полемист и собеседник, Соллертинский обладал познаниями поистине энциклопедическими. Но эти обширные познания, непрерывно умножаемые его феноменальной памятью и поразительной трудоспособностью, не обременяли его, не подавляли его собственной творческой инициативы... Наоборот! От этого только обострялась его мысль - быстрая, оригинальная, смелая".

Кроме всего, это был остроумный человек, тонко чувствующий юмор и любивший пошутить. Все эти качества не могли не привлечь молодого Шостаковича, нашедшего в Соллертинском преданного друга, разделявшего с ним радости и печали. После статей "Сумбур вместо музыки" и "Балетная фальшь" Шостакович, считая неизбежным свой арест, предложил Соллертинскому не подвергать себя опасности и не защищать его публично, а сохранить хотя бы его произведения, то, что он уже создал.

Александра Орлова вспоминает:

"...Весна 1937 года. Арестован маршал Тухачевский, начинают брать всех его знакомых и даже незнакомых... А Соллертинский и Шостакович постоянно встречались и музицировали с Тухачевским... Помню, будто это было вчера: прибегает в библиотеку Иван Иванович - бледный, взволнованный... и прерывающимся от волнения голосом произносит: "Мы с Митей каждую ночь ожидаем ареста. Нам не миновать тюрьмы. О нашей дружбе с Тухачевским известно всем".

Во время войны Ленинградская филармония была эвакуирована в Новосибирск, и там в июне 1942 года Соллертинский устраивает исполнение Седьмой симфонии, на которое приезжает Шостакович. Соллертинский в этот период вообще ведет кипучую деятельность: принимает активное участие в создании Сибирского отделения Союза композиторов СССР, преподает в Театральном институте, выступает в клубах, различных учреждениях, эвакуированных в Новосибирск, в армейских частях, читает лекции в читальном зале областной библиотеки. И, естественно, выступает в филармонии на симфонических концертах с аннотациями (хотя это слово не выражает глубокого и в то же время искрометного характера его комментариев) к исполняемым произведениям.

Осенью 1943 года Соллертинский дважды вылетал в Москву, останавливаясь у Шостаковича, и 14 ноября выступил на торжественном заседании, посвященном пятидесятилетию со дня смерти Чайковского. Но без помощи Шостаковича Соллертинский получает приглашение на должность профессора истории музыки в Московскую консерваторию. В начале декабря в московском Доме ученых он прочитал лекцию о творчестве Шостаковича и вернулся в Новосибирск с тем, чтобы в скором времени переехать в Москву. Но жизнь распорядилась иначе. Вступительное слово к исполнению Восьмой симфонии Шостаковича 6 февраля 1944 года в Новосибирске стало последним выступлением Соллертинского. В ночь с 10 на 11 февраля его не стало. Для Шостаковича потеря друга была трагедией. "Нет слов, чтобы выразить все горе, которое терзает мое существо... Это очень трудно пережить", пишет он И. Гликману, хотя всегда был очень сдержан в выражении своих чувств.

Шостакович заново пересматривает Трио, которое он начал писать несколько раньше, и создает практически новое сочинение, изменяя концепцию, создает произведение, ставшее шедевром мировой камерной музыки. Все Трио проникнуто глубокой скорбью, раздумьями о жизни, или точнее, о месте и предназначении человека в этой жизни. Несомненно, там нашла отражение и трагедия войны, не только идущей, но и войны, как таковой, несущей человечеству невыразимые страдания и невосполнимые утраты. Многие комментаторы отмечают, что появление еврейской темы в финальной, четвертой части Трио связано с ужасами, творившимися нацистами против евреев на оккупированных территориях и ставшими известными к тому времени. С этим можно согласиться, тем более, что в отличие от последующих инструментальных произведений, где используется еврейский тематизм, и где он является лишь одним из составляющих музыкального материала, хотя и несущим важную смысловую нагрузку, в Трио вся четвертая часть - это, по существу, еврейский танец. Причем танец трагический, что подчеркивается "авторскими обобщениями", "отступлениями" от общего движения танца, превращающими эту часть Трио в самостоятельную, своеобразную поэму. Можно вспомнить поэму Переца Маркиша "Танцовщица из гетто", написанную в 1940 году:

Стремительно блистанье легких ног -
Моя любовь танцует перед вами;
Встречается с клинком стальной клинок
И объясняется, сверкая лезвиями...

"...Веселую!" - приказывал палач
Ночному ветру... И терзались ноги,
И под бичами вьюги мчалось вскачь
Безумье белых хлопьев и тревоги...

Но, как сказал английский государственный деятель Герберт Ангуэль: "Никакое следствие не бывает следствием лишь одной причины". Именно в это время Шостакович редактирует и оркеструет оперу своего любимого ученика В. Флейшмана "Скрипка Ротшильда", и эта музыка также могла оказать влия-

ние на тематический материал Трио. Но здесь может возникнуть естественный вопрос: почему русский композитор пишет Трио памяти русского друга, используя еврейский тематизм, и строит на этом материале всю заключительную часть цикла? И еще: почему Шостакович много позже (в 1960 году) в своем автобиографическом Восьмом квартете использует эту же еврейскую тему наряду с цитатами из самых значимых своих произведений? Несомненно, что для него очень важна именно она, а не другая тема из этого же сочинения.

Может быть, в какой-то мере, можно попытаться искать ответ в следующем эпизоде, рассказанном А. Орловой:

"Иван Иванович рассказал, как его поразил в Москве (во время поездки в Москву в конце 1943 года. - Д.Ц.) нескрываемый и все возраставший государственный антисемитизм... Так, в Московской консерватории, рассказывал Соллертинский, отстранили от работы профессора М.С. Пекелиса, заведующего кафедрой истории русской музыки. И что особенно потрясло Ивана Ивановича, что было для него убийственно тяжелым ударом: подобную позицию разделял Шостакович. В беседах с Соллертинским Дмитрий Дмитриевич поддерживал эту акцию: "Не может еврей руководить кафедрой русской музыки", - убеждал он Ивана Ивановича. А тот воспринимал это как страшное несчастье, ибо для Соллертинского - человека кристально честного, истинного русского интеллигента антисемитизм был ненавистен, антисемитов он презирал. И вдруг неожиданно Митя, дорогой друг, единомышленник, боготворимый композитор - и такая точка зрения".

Действительно, такая позиция Шостаковича в этом вопросе кажется, по крайней мере, странной, особенно на фоне всей его дальнейшей жизни. Но, может быть, именно поэтому он и пишет такую заключительную часть Трио (тему ему напел приятель молодости Соломон Гершов, витебский художник, ученик Марка Шагал). Может быть, этой музыкой он говорит то, что не досказал Соллертинскому тогда, или полемизирует с ним, или соглашается, или что-то еще. Очевидно, это так и останется некой загадкой, дающей пищу для размышлений, предположений, различных толкований.

Выдающийся балетмейстер XX века Леонид Якобсон (1904-1975) незадолго до смерти ставит небольшой по размеру, но чрезвычайно емкий, глубокий и впечатляющий одноактный балет "Свадебный кортеж" на музыку четвертой части Фортепианного трио, для созданной им в 1969 году ленинградской балетной труппы "Хореографические миниатюры". Его сюжет и хореография навеяны ранними произведениями Марка Шагала так называемого "витебского" периода. Вот его краткое содержание:

"Под звуки маленького оркестрика движется свадебный кортеж. Печальная невеста - девушку просватали в богатый дом, а у нее есть жених, любимый, но такой же бедный, как она.

Потрашен случившимся несчастный жених. Он страдает, просит, умоляет не разлучать его с любимой. Но куражатся над ним родители богатого жениха, ничем не могут помочь родители невесты.

Двигается своей дорогой свадебный кортеж, горько плачет одинокий, обезлodenный юноша".

"... Меня удивляло еще в раннем Якобсоне тонкое понимание музыки. Для балетмейстера не существует неразгаданных тайн". Так "разгадал" эту музыку Якобсон, и так через музыку Шостаковича на сцену пришли персонажи "штетла" - маленького еврейского местечка.

Дмитрий Цвибель

Редакция газеты приносит извинения за допущенную в предыдущем номере ошибку. Следующие фразы следует читать так: "6 февраля в той же "Правде" появляется еще одна статья - "Балетная фальшь". На этот раз громил балет Шостаковича "Светлый ручей". (Продолжение. Начало см. №№ 67, 68)

Я хочу рассказать о Леониде Яковлевиче Резникове, которому в феврале исполнилось бы 85 лет. Его хорошо знали и помнят в Карелии и не только в Карелии. Это был замечательный литературный критик. О том говорят его книги. Он был известным литературоведом, специалистом по творчеству М. Горького. О том, опять-таки, говорят его книги - вплоть до последней - "Максим Горький - известный и неизвестный", опубликованной не так давно, уже посмертно.

Леонид Яковлевич Резников родился в 1919 году в Одесской области. Отец его провизор, мать - медик. До войны успел окончить филологический факультет Герценовского института в Ленинграде и в 1940 году поступил в аспирантуру. С первых дней войны ушел добровольцем на фронт. А фронт этот - блокадный Ленинград. Воевал, был несколько раз ранен, был награжден орденами и медалями. А после войны, перед самой антисемитской волной так называемой борьбы с космополитизмом, успел защитить кандидатскую диссертацию о творчестве Эдуарда Багрицкого. Много позже стал доктором наук и профессором, но это уже в Петрозаводске. А сначала преподавал в Минске, в Белорусском университете. О том времени вспоминали его бывшие студенты: писатель Алевс Адамович и публицист Юрий Черниченко... Потом был еще Кишиневский университет. И более двадцати пяти лет преподавал Леонид Яковлевич в нашем Петрозаводском университете. Его слушали сотни, наверное, даже тысячи студентов. Всего этого вполне достаточно для биографии одного литератора. Леонид же Яковлевич Резников был необычайно и разносторонне одаренным человеком. Он - поэт. Всю жизнь писал стихи, скупо публиковал их. И уже в довольно поздние годы собрал и напечатал хороший томик стихотворений. Я сказал, что скупо печатал стихи. Да. Но среди этих немногих есть публикация и в журнале "Ленинград". Это чуть ли не перед самым постановлением ЦК ВКП/б от 1946 года "О журналах "Звезда" и "Ленинград". Это перед тем гнусным постановлением и еще более гнусной речью Жданова, что уничтожила и этот журнал "Ленинград", и уничтожила Ахматову и Зощенку.

Л.Я.Резников отличный очеркист и публицист. Мы помним его книги о Валааме. Наконец, Леонид Яковлевич был самолюбивым - с таким автобиографическим уклоном - прозаиком. Его рассказы и повести публиковались в журнале "Север" и затем вышли отдельной книгой в издательстве "Карелия". Я нечаянно оказался свидетелем истории издания прозы Л.Я.Резникова. Многие знают, что Леонид Яковлевич умел горячо драться за правду. У него много было почитателей и друзей, но были, понятно, и враги. Зная эту ситуацию, на вопрос редактора издательства, кому бы я посоветовал дать на отзыв рукопись книги Резникова, довольно грубо ответил: "Это зависит от того, что вы хотите. Если хотите угробить дело, то давайте кому попало! А если хотите издать книгу, то надо посоветоваться с самим автором. Ведь этот отзыв - чистая формальность, так как почти вся эта проза была опубликована в журнале, в "Севере". И томик прозы Л.Я.Резникова вышел через какое-то время..."

Леонид Яковлевич появился в нашем университете в бурном 1956 году - году больших и почти не оправдавшихся на-

Я хочу рассказать вам...

дежд. Тогда при первых впечатлениях Резников поражают студентов, как рассказчик. На всю жизнь запомнились мне своим рассказом об одном известном ленинградском поэте, о собою бытия времен ленинградской блокады. Был этот поэт тяжело ранен, осколок попал в шею. Врачи боролись за его жизнь, но, видимо, не было никакой надежды. Как и других обреченных, от которых отступила медицина, этого поэта снесли в подвал госпиталя, то есть в морг. При этом на всякий случай посадили там, в подвале, в морге, медицинскую сестру: на случай если кто-то из них и победит смерть. Можно представить, как страшно было этой юной медсестричке - тут и трупы, и агонизирующие. Вот она и взяла с собой патефон и ставила все время пластинки. А этот поэт был жив, был в сознании, все слышит и видит, но речь парализована. То ли он зашевелился, то ли застонал. Короче, ясно стало, что жив, и помирять не собирается; подняли наверх. Еще много месяцев провалялся он по госпиталям. Его лицо несет отпечаток того страшного ранения: оно словно разделено по вертикальной оси, разделено симметрично... Это - Вадим Шефнер.

Да, это был первый интерес, первое удивление перед новым человеком, который слово "поэт" произносит так, что даже при устной передаче ясно становится, что оно, это слово, непременно пишется должно с прописной буквы - Поэт... И я доверчиво понес ему, Л.Я.Резникову, какой-то свой студенческий опус, что-то литературно-критическое и, наверно, довольно убогое. Леонид Яковлевич по доброте своей поща-

дил мое самолюбие, не раздражил текст, заговорил со мной о том, как следует писать. При этом изложил, как я теперь понимаю, одну из самых трудных технологий этого высокого ремесла. Писать, говорил он, надо так: пока окончательно не сработана предыдущая фраза нельзя браться за следующую. Только годы и годы спустя я догадался, что мне был предложен идеальный вариант работы - вариант, редко кому доступный. Большинство пишущих сначала набрасывают черновик, а затем долго и медленно шлифуют его. Я знал только одного мученика и артиста такого способа работы. Это был писатель Виктор Соловьев.

Л.Я.Резников - увлекающийся человек, очень увлекающийся. Когда он увлечен был замечательной книгой Выгодского "Психология искусства" (а мы все были тогда под обаянием этой книги), то это замечали и студенты и все, кто слушал публичные выступления Леонида Яковлевича. То же самое происходило и когда Леонид Яковлевич буквально был одержим очерком Глеба Успенского "Выпрямила"... У Тома-Манна прочитал вот эти слова: "Людам чувства свойственна внешняя выразительность" ("Иосиф и его братья", т.1, с. 107) - и, как вы догадываетесь, сразу вспомнил Л.Я.Резникова.

Как увлекающийся человек Л.Я.Резников иногда терял чувство меры. Вспоминается год 1957 или 1958. Леонид Яковлевич тогда задумал провести большой вечер поэзии в университете. Нам, студентам, раздал маленькие докладчики о тогда словно родившихся поэтах - Леониде Мартынове, Николае Заболоцком, Владимире Луговском, Михаиле Светлове. И говорили Жена Крохина, Семен Манюхин, Саша Анашкин, Соня Лойтер, еще кто-то. Я тогда увлеклся Ярославом

Смеяковым, впервые в руках держал его только что вышедшую книжечку стихотворений. А когда прочитал иронические строки про комсомолку первой пятiletки:

Зинка, Зинка, как же ты,
Каким путем, скажи на милость,
С индустриальной высоты
До рукоделья докатилась?..

- активный зал засмеялся. Короче, мы все как будто были доволны. Леонид Яковлевич тогда сказал горячее вступительное слово во славу Поэзии и Поэта. Вес мы отговорили свои докладчики и уехали тут же на сцене, среди поэтов Карелии: Леонид Яковлевич пригласил на этот вечер и известных поэтов петрозаводских - были Борис Шмидт, Алексей Титов, Марат Тарасов, Михаил Сысойков, Георгий Кикинов, еще кто-то. И тут я почувствовал какое-то напряжение. Кто-то из поэтов сердито зашептал мне: "Что это он посадил нас слушать доклады?.." Только тогда до меня стало доходить, что поэты Карелии вынуждены будут читать свои стихотворения на фоне прозвучавших крупных поэтов России. Но ничего страшного не произошло: поэтов хорошо встречали и провозжали. И все-таки увлекающийся Л.Я.Резников, мечтавший о грандиозном вечере поэзии тогда оплошно соединил по сути дела два вечера поэзии: о поэтах Карелии и о поэтах России, возрожденных отшелью...

В увлеченности Леонида Яковлевича всегда был элемент докнижечности. Трезвых людей это должно было раздражать. Сражаться за правду он готов был на любой площадке, вплоть до обкома партии. Для Резникова было само собой разумеющимся кинуться на защиту даже мало знакомого ему человека. А уж то, чем жило его время, неизменно его волновало. Притом не только на уровне бесед с окружающими людьми. Это требовало более активного выхода. Л.Я.Резников отправил в журнал "Новый мир" темпераментное большое письмо об одной повести А. Солженицына. И это письмо, а по сути статья была тогда опубликована. Леонид Яковлевич горячо отозвался и на волновавшую нас тогда повесть "Кончина" В. Тендрякова. Это хорошо помнится до сих пор.

Говорят, что человека можно узнать по тому, как он смеется. Шла обычная защита дипломных работ на филологическом факультете нашего университета. Было это в брежневские годы. И вот студентка, только что защитившая свою дипломную работу, в заключительном слове стала благодарить своего руководителя Леонида Яковлевича и сказала:

- Дорогой Леонид Ильич!

Никто не проронил и слова, но что творилось... Лысына моего брата, М.М.Гина, от смеха стала малиновой, кольхалась от сдерживаемого смеха председатель государственной комиссии очень крупная, полная женщина, известный лингвист Иванова, вся большая аудитория смеялась. Ведь у всех в ушах навязли эти непрерывно повторяемые со всех сторон "Дорогой Леонид Ильич!.." И среди этого все же тихого веселья выделялся громкий, открытый и невероятно веселый хохот Леонида Яковлевича Резникова.

Из еврейской поэзии

Ицхак Лурия (1534-1572)

Ицхак Лурия родился в Иерусалиме. Он получил хорошее раввинское образование, много занимался изучением каббалы. Он - религиозный поэт. Философские труды его близки мистицизму и каббале. Они были изданы последователями в год 1772, когда исполнилось двести лет со дня смерти ученого и поэта. Этот сборник получил название "Древо жизни" ("Эц Хаим") Одна идея этой книги очень давно живет в головах мало-мальски задумывающихся людей: мог ли Б-г при сотворении мира избежать появления зла?..

Вот одно из стихотворений Ицхака Лурия.

Субботний покой

Шесть дней Ты трудился,
и вот наступил день седьмой.
Мир создан. И отдых
раскинул шатер над землей.

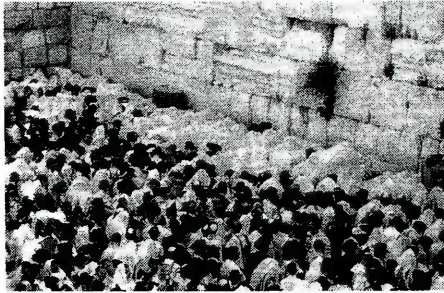
Отныне усталому сердцу
одно утешенье-
Субботний покой...
Души обновленье
для всех, угнетенных тоской,
Целебный бальзам
для того, кто изломан судьбой,

Для духа плененного
радостный вздох облегченья-
Субботний покой...
Дарованный детям Израиля
миг возрожденья-
Субботний покой...

Перевод В.Лазаруса и Я. Либермана

לשנה הבאה בירושלים הבנויה!

Дорогие друзья!

"В каждом поколении поднимаются на нас, чтобы уничтожить..." Эти слова Пасхальной Агады звучат во время седера из года в год, но всегда по разному. Иногда они воспринимаются как воспоминание, иногда - как напоминание. Но есть времена, когда они звучат как заголовок сводки новостей. Мы живем именно в такое время. Скольким из наших соплеменников хотелось бы верить в то, что мир изменился, фараоны ушли в прошлое, сытое рабство перестало быть альтернативой свободным скитаниям в пустыне. Как порой хочется верить в поддержку ООН, в торжество разума, закона и взаимопонимания! Но реальность неумолима, иллюзии развеиваются, и ты понимаешь:

"в каждом поколении" - значит действительно в каждом... И актуальны как начало этого изречения, так и конец его: "...и Вс-вышний, да будет Он благословен, спасает нас от их рук".

Исход - отнюдь не прошлое нашего народа, а самое что ни на есть настоящее; слова Агады - не ритуальные фразы, а страницы биографии каждого из нас. И вновь звучит обещанием и надеждой: "В будущем году - в Иерусалиме!"

Раввин А. Штейнзальц

Еврейская община поздравляет Давида Генделева и Иду Петричеву

с присуждением первой премии Федеральной архивной службы России
за трехтомный труд "Петрозаводск. 300 лет истории"

Еврейская община имеет честь поздравить
ЛОЗОВСКУЮ ПРАСКОВЬЮ АРТЕМЬЕВНУ
СКИБИНСКУЮ АННУ МОИСЕЕВНУ
с днем рождения, пожелать здоровья, радости и до **СТА ДВАДЦАТИ!**

**18 апреля (27 нисана) в 12.00 на старом еврейском кладбище состоится траурная церемония
памяти жертв ХОЛОКОСТА**

Чаша кухня

Клецки из мацы

Мука из мацы - 7 ст. л.; яйцо - 2 шт.; топленый куриный жир - 1 ст. л.; черный молотый перец - по вкусу; имбирь (по желанию) - 1 щепотка; соль.

Яйца хорошо размешать в 1/2 стакана воды и залить этой жидкостью муку из мацы. Добавить топленый куриный жир, заправить солью, черным перцем (клецки должны быть пикантными), имбирем и оставить на 1 час. Массу хорошо перемешать и, увлажняя руки в воде, формовать шарики величиной с грецкий орех. Варить в подсоленном кипятке 10 минут. Вынуть шумовкой и охладить, чтобы слегка затвердели.

Подавать с горячим куриным бульоном.

Хремзлах (сладкое пасхальное изделие)

Мука из мацы - 2 стакана; яйцо - 4-5 шт.; масло сливочное - 3 ст. л.; мед или варенье - 3 ст. л.; орехи грецкие (ядра) - 1/2 стакана; имбирь - 1/3 ч. л.; сахар - 3 ст. л.; соль - 1/4 ч. л.

Мацу хорошо истолочь в ступке или пропустить через мясорубку с мелкой решеткой. Поместить в миску. Залить одним стаканом подсоленной горячей воды, накрыть и дать постоять 15-20 минут. Когда масса остынет, добавить размягченное масло, растертое с желтками. Влить мед или варенье, положить орехи, имбирь и в последнюю очередь взбитые с сахаром белки, все хорошо размешать. Если масса окажется слишком густой, добавить 1-2 ст. ложки воды, если жидкой добавить немного муки. Тесто разделить на кусочки скатать в шарики величиной чуть больше куриного яйца и сформовать треугольники толщиной в 1.5-2 см. Запечь на сковороде с кипящим маслом до румяной корочки с одной и другой стороны. Подавать в холодном виде как десерт, можно с компотом или чаем..

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

**КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК В КАЖДОМ
ПОКОЛЕНИИ
ДОЛЖЕН СЧИТАТЬ, БУДТО САМ ЛИЧНО
УШЕЛ ИЗ ЕГИПТА**

Мишна-Псахим, 10:5

**ХЭСЭД АГАМИМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ**

ГРИБОВУ
Миру Зельмановну
САРАТОВКИНУ
Людмилу Дмитриевну

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Издатель: Петрозаводская
еврейская религиозная община
185035 г. Петрозаводск, а/я 360,
тел. (814-2) 78-39-38 e-mail: talit@karelia.ru

Редакторы:
Давид Генделев
Дмитрий Цвибель

Компьютерный набор, верстка и офсетная печать выполнены
фирмой "Принт", 185035 Петрозаводск, пр. Первомайский, 1,
тел. 78-20-18, факс 78-12-26
Тираж 300 экз.